

Стиль "Эрмитажа"

линия жизни

Есть театры, наличие публики в которых свидетельствует не только о желании посмотреть спектакль. Понимающий зритель — вот то, чем не могут похвастаться иные театры-мэтры. Алла Демидова, например, считает, что в зрительном зале должно быть хотя бы тридцать процентов "своих" зрителей, чтобы спектакль получился, чтобы и остальная публика была довольна и актеры не нервничали. У "Эрмитажа" такой проблемы нет. Люди, приходящие сюда из вечера в вечер, настроены на одну волну с этим театром.

Ольга СОЛОДОВА

Большая сцена "Эрмитажа" по размеру сравнима с малыми сценами академических театров. Это камерная по духу площадка, это в любом спектакле — непосредственная близость к зрителю, что так любит художественный руководитель Михаил Левитин. Он выпускает своих актеров в зал, проверяя их на профессионализм, а себя на верность находок. В этом театре действующие лица бегают по рядам и спрашивают мнение зрителей. Здесь еще совсем недавно у туалета, который является одним из трех важнейших мест любого театра (после гардероба и буфета), посетитель встречал небрежный манекен во фраке. Табличка на его груди приносила извинения за разор и незаконченный ремонт в столь важном месте. Теперь все меняется буквально на глазах. Даже зрительный зал сменил советские откидные ряды на буржуазные серые офисные стулья и это порой напоминает американскую школу.

Если идти в "Эрмитаж" по улице Чехова, минуя театр "Ленком", приходится пробираться сквозь толпу жаждущих попасть туда. Возле "Эрмитажа" такой толпы нет. В каком-то смысле он защищен от ажиотажа. "Эрмитаж" принадлежит к тому элитному слою театров, что не могут стать слишком популярными. Популярными в смысле скандальности выбранных тем, или пышности постановок, или "раскрутки" своих актеров. Каждый актер "Эрмитажа", помимо театральной

семьи, существует еще и сам по себе как личность, а не носитель определенного амплуа. Причем личность, состоявшаяся помимо этого конкретного места службы. "Эрмитажу" не удается зависть от художественной конъюнктуры, которой в этом небольшом театре, таком же холодном зимой, как во времена первых спектаклей Станиславского, никогда не пахло. Отдельные детали декораций тут кочуют из одного спектакля в другой, при этом пышность оформления голливудской "Женитьбы" отрицательно сказывается на сценографии следующей постановки, а кровать из "Вечера в сумасшедшем доме" обнаруживается в "Скверном анекдоте".

А еще у театра есть нечто, в наши дни все более редко встречающееся, — стиль. В "Эрмитаже"

он имеет имя — Михаил Левитин. Репертуар Левитин выстраивает, как книги любимых авторов на полке. Оттого-то здесь действует не логика строгой репертуарной политики, а идет будто бы коллективное чтение очередного, "открытого" Левитиным писателя. А поскольку при чтении у каждого вырисовывается свой образ времени и места действия, причем нередко наслаиваются ассоциации с другими произведениями, то в "Эрмитаже" яркая голливудская "Женитьба" происходит украинской ночью на Невском проспекте, а забредший из "Записок сумасшедшего" Поприщин мечется между зрительских рядов. Подколесин пребывает в мире книжных грез, проиллюстрированных четко и сочно, когда финальной точкой становится не хрестоматийный прыжок из окна, а погоня-танец Ивана Кузмича и его не успевших или не захотевших оделать такой же шаг преследователей. Неожиданно немрачный Достоевский со "Скверным анекдотом". Пенюластово-снежный многолюдный трагифарс с музыкой Шнитке и историей провалившегося "облагодетельствования" человечества. А рядом — "тонкие", но самые значимые для театра книжки коротких спектаклей по произведениям обзриутов, эстетика которых сквозит в любой эрмитажной по-

ставке. "Хармс, Чармс, Шардам" — "откуда есть пошел" левитинский "Эрмитаж". Одна из первых сценических попыток справиться с хармсовской магией слов, Спектакль, на котором нервы не выдерживали даже у курицы — одной из героинь действия. Она то сносила прямо по ходу действия яйцо (причем, "приурочив" это событие к дню рождения Даниила Хармса), то тут же на сцене переживала сердечный приступ. "Вечер в сумасшедшем доме" по произведениям Александра Введенского, Николая Олейникова и Николая Заболоцкого — обращение собственного "я", прорыв через потерю памяти к ощущению реальности. На этом спектакле много смеются, но смех бывает и признаком отчаяния, от которого "Вечер..." спасает необъяснимым образом. "Кругом возможно Бог" — первый спектакль принятого в труппу "Эрмитажа" по окончании ГИТИСа курса Михаила Левитина. Боль разочарований и утрат еще перекрывается здесь молодым задором и жадной деятельностью. После — легаракальманаштраусина "Мотивчик" с ролею, загоравшимся на один из дней рождения Введенского от чрезвычайно экспрессивной игры замужа Андрея Семенова. А до того — дипломная работа курса про кэролловскую Алису, где все кажется заполненным зеленым сукном, девочкой с двумя хвостиками и огромными глазами и Чеширским котом без "отдельно блуждающей" улыбки, но зато в очках и курдюках.

Есть режиссеры, считающие, что спектакль должен жить не более трех сезонов. Заявления, не лишённые оснований. В театре "Эрмитаж" спектакль "Нищий, или Смерть Занда" по вариантам пьесы Юрия Олеши играют уже десять лет. Поначалу ошелешное — "любовь — это легкая промышленность", странно перекликалось с раннеперестроечным "сека у нас нет". Теперь же яснее видна предложенная вечная тема неизменности человеческой натуры, смело-хулиганская ирония писателя об "эпохе краевых подъемных", каллиграфия режиссерской работы, стильная сценография Давида Боровского, удовольствие актеров от пребывания в таком материале. Впрочем, не все столь гладко. Можно не вполне принять трактовку впервые поставленной пьесы Исаака Бабеля "Мария" (версия театра называется "До свидания, мертвец"). Спектакль гротескный, сухой, длительный по времени, со световым пятном в виде

новеллы "Ди Грассо". Может удивить "Сонечка и Казанова", где Левитин в вариациях по пьесам Марины Цветаевой и ее "Повести о Сонечке" пытается получить ответ на вопрос, какова награда за любовь.

Годы жизни театра отсчитывать надо, вероятно, "по-собачьи" — это у десятилетнего человечка почти только будущее и есть, а для театра такой возраст — и наступление зрелости, и время некоторых итогов. Итак, московскому театру "Эрмитаж" — десять лет. Нынешнее свое имя он (известный прежде как Театр мини-атюр) получил по названию сада, в котором находится. За это время сложилась "коллекционная", по выражению одного из актеров, труппа. Появились друзья, способные действительно посреди ночи прибегать с "пожарным ведром". Главное — живет театр, не похожий на другие, со своим узнаваемым лицом, иногда способным на неожиданные гримасы. В прошлом — спектакли Николая Шейко "Тутешество Вениамина III" и "Дневники королевы", но в будущем — возможный театрально-режиссерский дебют Владимира Меньшова. И булгаковская "Зойкина квартира", в которой состоится возвращение бывшей прима театра Любви Полищук на родную сцену.

С другой стороны, за десять лет проходят школу, получают аттестат зрелости и выходят на какую-то новую дорогу. Вот и Михаил Левитин ставит, правда, параллельно с привычной "монтажной" работой, "нормальную" пьесу. Утверждая при этом, что на данном этапе это ему интереснее. Для "Эрмитажа", кропотливо, а порой и мучительно складывающего свои спектакли из мозаичных кусочков, это действительно "новаторство".

Как-то во время гастролей "Эрмитажа" в Швейцарии местная пресса назвала его "первым русским театром абсурда". Но спектакли, представляемые здесь, не более абсурдны, чем окружающая действительность. Просто это другая реальность. Только на сцене она сперва разложена на составляющие, а после из много раз виденных кубиков образуются новая пирамидка. Интересно, что каждый раз делается это по-новому.

А вместо торжественного юбилея будет спектакль. Многолетний друг театра Юлий Ким дописал свое безразмерное "Танго" до 52 куплетов и Михаил Левитин поставил спектакль.

Фото В. СКОКОВА